

Повествовательный фольклор палеоазиатских народов как глобальный историко- этнографический ресурс

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: podmaskin@yandex.ru

В статье рассматриваются мифы, сказки, исторические предания чукчей, коряков, кереков, ительменов, азиатских эскимосов, алеутов, юкагиров, нивхов и айнов в структурно-типологическом плане. Особенности исторического развития этих народов предопределили как яркую специфичность устойчивых состояний их фольклорных традиций, так и своеобразие фольклорных процессов. С научной точки зрения этот фольклор представляет интерес в силу своей стадильной архаичности. Мифологический пласт отражает автохтонные черты в развитии культуры. Гетерогенность палеоазиатских народов оказала существенное влияние на их культуру и этническую историю. Фольклорное наследие обладает характерными для всех палеоазиатов особенностями. Реальное единство языков, культуры и мифологии обнаруживают только северо-восточные палеоазиаты. В этой группе в языковом отношении ительмены обособлены от чукчей и коряков, а по мифологии и фольклору наиболее обособлены чукчи, устное народное творчество которых испытала сильное эскимосское влияние. Большинство сказок и исторических преданий палеоазиатских этносов недавнего происхождения соотносимо со сказками европейских народов и историей освоения Северо-Восточной Сибири русскими в XVII—XIX вв. Как внутрижанровые подразделения в этом фольклорном пласте выделяются бытовые сказки и исторические рассказы. Тексты насыщены реалистическими деталями, отражающими общественный и бытовой уклад не только охотников, рыболовов и оленеводов, но и их соседей и русского населения. Проведённое исследование доказывает, что повествовательный фольклор палеоазиатских народов отличается несомненным своеобразием не только в тематическом, но и в этническом и историческом отношении. В сущности, этот фольклор — один из ценнейших источников для изучения эстетических закономерностей народного творчества вообще, для понимания особенностей фольклора последующих стадильных типов, для решения множества

генетических и исторических проблем, связанных с жанрами, сюжетами, образами, поэтикой, спецификой фольклора.

Ключевые слова: палеоазиатские народы, космогонические предания, «вороньи» мифы, героический эпос, сказки, исторические рассказы, заимствования, народные знания, этнокультурные связи.

The Narrative Folklore of Paleo-Asiatic Peoples as Global Historical and Ethnographic Resource.

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

The article analyses the structural-typological approach of the myths, fairy tales, historical legends of the Chukchi, Koryak, Kerek, Itelmen, Asian Eskimos, Aleuts, Yukaghir, Nivkh and Ainu. The peculiarities of the historical development of these peoples predetermined specificity of their folk traditions as well as originality of folklore processes. From a scientific point of view, this folklore is of great interest because of its stadial archaism. Mythological formation reflects the autochthonous features in the development of culture. Heterogeneity of Paleo-Asiatic peoples had a significant impact on their culture and ethnic history. Folk heritage has all characteristic features common for the Paleo-Asiatics. Only northeastern Paleo-Asiatics possess the real unity of language, culture and mythology. In this group, the Itelmen are linguistically separated from the Chukchi and the Koryak, and the Chukchi are separated with their folklore and mythology which was strongly influenced by Eskimo mythology. Most fairy tales and historical legends of Paleo-Asiatic ethnic groups of the recent origin correlate with the tales of European peoples and the history of the development of the Northeastern Siberia by Russians in the seventeenth-nineteenth centuries. Household tales and historical stories are distinguished as a special genre. The texts are full of realistic details, reflecting the social and everyday lifestyle of hunters, fishermen and reindeer herders as well as their neighbors and the Russian population. The research proves that narrative folklore of Paleo-Asiatic peoples is diverse not only thematically but also ethnically and historically. Basically, this folklore is one of the most valuable sources for the study of the aesthetic patterns of folklore in general, for the understanding of the folklore of subsequent stadial types, for a variety of genetic and historical problems associated with genres, topics, images, poetics, folk characteristics.

Keywords: Paleo-Asiatic peoples, cosmogony legends, "The Raven" myths, heroic epics, tales, historical tales, adoption, folklore, ethnocultural communication.

Устное творчество палеоазиатов ценно не только как памятник народного искусства, но и как дополнительный материал для всестороннего изучения их духовной культуры, многовекового трудового опыта, общественного устройства и быта, этнической истории. В прошлом ни одна из народностей Северо-Востока

Сибири не имела своей письменности и не была до XVII в. непосредственно связана с цивилизованными народами. Поэтому наука почти не располагает письменными сведениями о народностях Севера, датированными ранее XVII в. Отсюда, естественно, то исключительное значение, которое придаётся всем видам устного творчества народностей Севера как историко-этнографическому ресурсу, нередко единственному.

В художественном творчестве проявилась богатая одарённость азиатских эскимосов, алеутов, чукчей, коряков, юкагиров, ительменов, нивхов и айнов. Устная художественно-образная форма передачи накопленного духовного опыта последующим поколениям вполне удовлетворяла практические запросы общества и играла доминирующую роль в развитии культуры.

Палеоазиатский фольклор представлен разнообразными жанрами: мифами, сказками и преданиями¹. Мифы содержат космогоническую концепцию северных племён — обычное деление на верхний, средний и нижний миры. Верхний и нижний миры у чукчей иногда разделены ещё на пять, семь или девять миров (слоёв). Звёздное небо коряки объясняли по-своему: например, Юпитер у них — Ичиваламак (Красная стрела). Большую Медведицу они называли Елуе-кыинг (Дикий олень), Орион — Юлтаут (Криво уронил), Плеяды — Атага (Утиное гнездо), Млечный Путь — Чигей-ваем (Дресвяная река). Неподвижная Полярная звезда (Харкап-анхай) в их представлении была прибита к небу гвоздём. Им было известно созвездие Вакахарань (Самка оленя с телятами). Астральные наблюдения давали возможность определять время суток, ориентироваться на местности, различать страны света [5, с. 120].

Народ объяснял в фантастической, присущей его миропониманию форме происхождение земли, небесных светил, людей и животных, возникновение географических объектов, причины болезней и смерти. Мифы были для них средством осмысления общественного устройства, окружающей природы и её стихий. Предания вспоминали о родовых столкновениях и войнах с иноплеменниками. Их герои — охотники и воины, отмеченные силой и ловкостью, храбростью и находчивостью. Такие качества прививались у народов Севера с детства [11, с. 68—351; 9, с. 34, 42, 54, 56, 65—66, 210, 214—217].

¹ Анализ содержания образцов фольклора осуществляется по русскому изложению или переводу.

Мифология была почвой для народного художественного творчества. Мифы служили обильным источником тем и сюжетов для образного письма, декора и скульптуры, а также определяли характер и особые черты обычаев, обрядов и праздников.

Архаические идеи повествовательного фольклора мотивировали активность и деятельность, не отгораживали от мирской жизни. В мифах ярко выразился оптимизм народа в борьбе с природными стихиями, прославляющий торжество деятельного человека. Так, например, в чукотском мифе «О Рынтэу» из собрания В.Г. Богораза ворон наставляет заблудившегося героя следующими словами: «Иди пешком в сторону Востока. Засяет оттуда солнце. Иди прямо туда, перешагни через солнце, иди дальше! Будет перед тобой море — иди прямо к морю, схвати его, брось через голову, иди дальше. Увидишь перед собой пёстрый хребёт — его схвати и унеси с собой. Тогда придёшь на свою землю» [2, с. 83].

Тексты топонимических преданий повествуют о том, что человек, тесно связанный со средой, которая его окружает, не может не интересоваться ею в деталях. Географические объекты, по представлению коряков, появились в результате деятельности культурных героев. В начале творения хозяин Вселенной Ахтытнине создал Куйкенняху и Мите. Эти прародители отличались необыкновенной силой и большим ростом, от тяжести их шагов возникли углубления и пади, а в том месте, где они ложились спать, появлялся обширный провал, вследствие чего поверхность земли стала неровной.

В мифах зафиксированы элементы древней техники и способы материального производства: даётся описание охоты с каменным кинжалом и арканом, подчёркивается прогрессивное изобретение лука и стрел, отмечается использование орудий из кости не только для обработки шкур, но и в качестве военного оружия.

Характеризуют мифы спортивные сюжеты, которые выражают стремление людей к физическому совершенству, гармонии и красоте человеческого тела. Народные герои обладают недюжинной силой и мужеством, они переносят любые трудности, встречающиеся на жизненном пути, помогают угнетённым и слабым.

В мифологической фантастике нет противопоставления человека природе, знания — вере. Фантастика безгранична: одна за другой возникают вселенные, вспыхивают небесные светила, герои бросают за спины горы и предметы с последующим превраще-

нием их в препятствие для погони, схватывают в пригоршню моря, путешествуют по разным мирам, но всегда эти герои сосредоточенно серьёзны, всегда заняты каким-либо ближайшим, самым обычным делом. Например, чукотский герой Куквальгон в поисках счастья совершает фантастическое путешествие на «верхнюю землю», преодолевает множество препятствий, похищает «душу» девушки, которую «верхние» жители «выудили» крючками с земли, и всё это для того, чтобы добыть жену и стадо и обеспечить своё существование. Эвенкийские герои — обычные охотники, но при содействии волшебных помощников они могут отправиться на небо, попадать на солнце, жениться на дочери солнца, уходить в пучину моря. По данным айнского фольклора, культурные герои, преодолевая чувство страха, спокойно вступали в борьбу с демонами и богами и, как правило, побеждали их, оказываясь смекалистее и умнее [8, с. 60].

Фантастика в мифологии устремлена не к детали, а к деятельности человека, его борьбе. Фантастика здесь — это энергия и героика труда. Вселенная осмысливалась как объект деятельности в определённом пространстве и времени, первоначальные понятия о ней были географическими, а не космогоническими.

Значение мифов не ограничивалось удовлетворением чисто познавательных потребностей общества. Мифология имела глубокие социальные и исторические корни, являлась важнейшей составной частью всей духовной культуры. Религиозно-мифологические познания палеоазиатов отразили эпоху, которая предшествовала научному или, вернее, натурфилософскому взгляду на мир. В представлении этот мир немногим отличался от реальной местности, в которой успешно осуществлялась хозяйственная деятельность. В своей основе мифы имели картины реальной жизни.

У всех народностей Крайнего Севера сохранились героические мифы о культурном герое — Вороне-творце. Наиболее чётко этот персонаж представлен в чукотском фольклоре. Главный его подвиг — добывание света: он пробил клювом небесную твердь, создал горы, реки, людей и зверей, используя в качестве материала кости нерпы, щепки, траву и огниво. Ворон похитил у злых духов Солнце, чтобы отдать его людям. В эскимосских мифах есть сюжеты о сотворении суши и несколько вариантов о добывании Вороном света. Ворон посылает пищу людям, сближаясь тем самым с Седной, хозяйкой всех зверей.

В корякских мифах Ворону соответствует Большой Ворон и Человек-Ворон, который не имеет прямой функции творца — он прежде всего первопредок, а затем шаман. В корякско-ительменских мифах много внимания уделено семейной жизни Ворона: обычно фигурирует его жена Мити, брат, сестра, а также дети и внуки. В алеутском фольклоре цикл о Вороне также имеется, но он не занимает центрального места.

Мудрый Ворон, давший людям огонь и свет, сильный и ловкий охотник. Он настигает в беге дикого оленя. Он смелый и выносливый зверобой, отважно борющийся с коварной морской стихией и побеждающий в этой борьбе злые силы природы. Он гордый и уверенный в себе оленивод, для которого олень — надёжный источник существования.

Могучие богатыри, бесстрашно поражающие врагов, — основные герои мифов. Их яркие художественные образы раскрывают перед нами трудовую жизнь охотника, рыболова, оленивода и морского зверобоя, сложный и противоречивый путь исторического развития первобытнообщинного строй, характерные черты мировоззрения и своеобразную художественную культуру.

У чукчей образ мифического Ворона противоречив. С одной стороны, он выступает творцом мира, «культурным героем», даёт людям свет, тепло, оленей, морских зверей, а с другой — он излюбленный комический персонаж, над которым посмеиваются и сказители, и слушатели. Чаще всего Ворон изображается более ловким и сметливым, чем другие персонажи из мира животных, в т.ч. и лиса.

В сказаниях, мифологических сказках и анекдотах о Вороне и его народе (семействе) как бы сфокусирована мифология палеоазиатских народов (наиболее архаичная в Азии) [7, с. 278]. В образе этого персонажа отчётливо проявились некоторые её общие черты, роднящие палеоазиатскую мифологию с другими архаическими мифологическими системами. Совмещение человеческой и звериной (в данном случае — птичьей) природы, лёгкость всевозможных превращений, перемещений и подмен одних существ другими, дробление тела (человеческого, звериного) на качественно однородные части и др.

Проводя сравнительный анализ космогонических преданий, Г.А. Меновщиков пришёл к совершенно правильным выводам, что центром наибольшего распространения «вороньего цикла» явилась не Чукотка, а Камчатка. Именно в ительменском

и корякском фольклоре возникли и развились представления и сказки о вороне Кутхе (Куткыннэку) [11, с. 16]. К этому можно добавить, что керекские мифические предания о вороне Кукки по сюжету ближе к ительменским, чем к корякским. Многие фольклорные имена керекских сказочных героев не находят аналогий с корякскими персонажами и заимствованы из ительменского фольклора [6, с. 89].

Мифы, связанные с образом Ворона, сохраняются у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (особенно тлинкитов и атапасков) в силу как непосредственных контактов, так, по-видимому, и древнейших генетических связей с палеоазиатами Азии; более слабые отголоски — в мифах эскимосов, алеутов и юкагиров.

Самым распространённым и любимым жанром устного творчества северных народностей была сказка. Она скрашивала их тяжёлое существование, служила любимым развлечением и отдыхом. Рассказывали сказки на досуге, после трудового дня, в жилище или на промысле у костра. Знали и повествовали сказки талантливые люди, обладавшие исключительной памятью, даром слова и импровизации.

Волшебные, бытовые (новеллистические), шаманские и другие сказки отражали действительность и мировоззрение палеоазиатских народов в форме художественной фантазии. Они создавались на реальном этнографическом фоне и рисовали яркие картины жизни оленеводов, охотников, рыбаков, промыслов и кочёвок, домашнего быта, обрядов, обычаев и нравов. Так, во всех керекских сказках все младшие дети оказываются умнее своих матерей и отцов и даже поучают их, что, вероятно, является отражением материнского начала в большой матриархальной семье этноса [6, с. 90—91].

Укрепление семьи материнского рода происходило на основе нравственных нормативов, семейных отношений, нацеленных на выживание всех социальных элементов и воспроизводство себе подобных. В сказочных сюжетах алеутов события обычно разворачиваются на фоне неполной семьи, в которой есть один родитель, обычно мать, есть ребёнок, в большинстве случаев это мальчик [4, с. 300]. В неполной семье временно как бы теряются условия воспроизводства, но наличие в семье мальчика указывает на высокий жизненный потенциал народа.

Насыщенные фантастикой сказки повествуют о чудесных превращениях людей и животных, о путешествиях, приключениях и встречах с необыкновенными людьми. В этих произведениях фольклора фигурируют разнообразные элементы волшебства: чудесные дарители и их дары, вещие силы и духи — хозяева стихий, смерть, оживление, исцеление. Персонажами сказок являются и животные, и обыкновенные люди — простые охотники, рыбаки, оленеводы, и выдающиеся герои, и духи, добрые и злые.

В бытовом фольклоре выделяются сказки о хозяине и работнике. В этом же цикле довольно широко распространены так называемые насмешливые сказки: у чавчувенов и оседлых коряков. Особую тематическую группу составляют сказки об удачливых и неудачливых охотниках.

Немало сюжетов устного народного творчества палеоазиатских народов, прежде всего сказок, заимствовано из европейского фонда. Содержание их изменено, наполнено новыми, собственными мотивами и эпизодами. В волшебных сказках XIX—XX вв. появляются цари и их слуги, купцы (русские и иностранные), местные богачи, скупщики пушнины, духовенство, царские чиновники. Помощниками человека во многих сказках выступают, наряду с животными, волшебные предметы, помогающие человеку спастись от всяческих бед. К ним принадлежат вода (живая и мёртвая), кольцо, гребень, табакерка, иголка и другие предметы, относящиеся к русскому домашнему быту [10, с. 172—173]. В произведениях устного народного творчества юкагиров действующими лицами являются цари, начальники, казаки, священники, князцы и другие должностные лица, которые стали известны представителям этого народа после прихода русских. Герои юкагирских сказок появляются в городах и дворцах, т.е. в обстановке, о которой аборигены в дореволюционное время только слышали [14, с. 112].

Отдельные предания отражают позднейшие социальные моменты в жизни народов Севера. Например, в одном рассказе чукчей забытое первыми людьми на стоянке огниво превращается в человека, и тогда Ворон-творец говорит этому человеку: «...будь же ты русским... Делай чай, табак, сахар, соль, посуду! Другие будут брать от тебя!». В другом рассказе русский, возникший из огнива, создаёт горы, реки, озёра, придаёт земле

«настоящий вид». Иногда Ворон наделяется социально-бытовыми чертами: он изображается бедняком в противоположность богачу-волку [2, с. 160, 162, 169].

Из наиболее поздних сказаний чукотского фольклора следует выделить группу популярных приморских сказок о сироте, проникнутых ярким социальным содержанием. Типичный сюжет этих сказок — история приморского сироты, гонимого богатыми и злыми соседями, голодающего, живущего на краю посёлка с одинокой старушкой. Он преодолевает трудные препятствия, побеждает злые силы, женится на дочери оленевода, получает большое стадо и, вернувшись в родной посёлок богатым и сильным, наказывает своих обидчиков, злых и жадных родственников [1, с. 289]. В обобщённых художественных образах фольклор отразил неизбежное столкновение прежних общественных связей и норм с элементами новых социальных отношений, нарождающихся в чукотском обществе.

Сказка каждой народности имеет свою специфику в композиции, стиле повествования, зачине и концовке. Так, например, почти каждая чукотская сказка начинается словом *ЭМЭН*, которое можно условно сопоставить с русским «Так вот жили...» и кончается словом *ытр?эч* — «всё»; эскимосская сказка начинается со слова *имнанук* — «давно» — и кончается междометием «тьфу». Окончивший сказку или предание обычно плюёт, чем показывает, что он кончил и как бы выплюнул произведение [6, с. 85].

На территории Сибири исследователи выделили большие области распространения развитых форм героического эпоса у тюркоязычных и монголоязычных народов и две «фольклорные провинции» ранних форм героического эпоса. Первая из этих провинций, включающая территорию Западной Сибири и южные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока, испытала сильное влияние южных тюрко-монгольских эпических традиций, принесённых на Север предками тунгусоязычных народов, а также кетов, обских угров, самодийцев. Вторая провинция (крайний северо-восток Азии — Камчатка, Чукотка, Сахалин, северо-восточные районы Якутии) представляла собой область бытования автохтонных, зародышевых форм эпоса [3, с. 168].

Героические сказания у палеоазиатских народов, вероятно, возникли в эпоху разложения родового строя и начала расслоения первобытного общества. Пока что известно о наличии большого

количества сюжетов из героического эпоса у нивхов, эвенков и эвенов. Эпические произведения чукчей, коряков, ительменов, эскимосов могут быть подразделены на героические предания, отражающие конкретные исторические события (межплеменные войны и военные походы против чукчей казачьего отряда Павлуцкого, который в чукотских и эскимосских преданиях получил имя Якуни), и героические сказки, отражающие борьбу отдельных героев со своими врагами-угнетателями или обидчиками. К последним относятся такие произведения, как: «Вытрытва», «Накытамтэн и его сыновья», «Рорат» у чукчей; «Найдёныш», «Выютку-предводитель» у эскимосов. Главным действующим лицом героических сказаний выступает человек, выделяющийся физической силой, отвагой и смекалкой. Идеальный герой — воин и охотник, способный победить враждебных пришельцев-богатырей, наказать обидчика и установить справедливый мир. У главного героя есть собственное имя, часто содержащее характеристику его личных качеств. Таким образом, у чукчей и эскимосов обнаруживаются лишь зачатки героического эпоса. Реалистические описания фактов здесь едва прикрыты фантазией [9, с. 21].

Чукотский герой Вытрытва ведёт борьбу с захватчиками, проявляя себя в сражении искусным воином. Мужество и силу ему помогают обрести не волшебные помощники, а постоянные физические тренировки и упражнения, которые являются непременным атрибутом в жизни чукчей и эскимосов. В героических поэмах нивхов *настунг* безымянный герой (он назван «наш гиляк»), обладавший вполне реальными чертами человека, сражается с чудовищами-людоедами, сказочными старухами и горными людьми (духами). Герой приобретает свою силу не от волшебных помощников, а в результате тренировки и труда, он владеет обычным оружием. Стимулом для совершения подвигов служат поиски невесты, месть за похищенную жену или убитых сородичей [13, с. 5—10].

Иногда побеждает врагов не герой-одиночка, как это отмечено у нивхов, а коллектив соплеменников, окрылённый идеей борьбы, кровной мести за сородичей, похищенных или убитых враждебными человеку обитателями иных миров. Небезынтересны в эскимосских героических преданиях описания подготовки к сражению. Так, эскимосский воин Выютку, услышав весть о готовящихся походах вражеских племён на приморские селения

чукчей и эскимосов, собирает всё мужское население из ближайших селений и разделяет воинов на «борцов», «бегунов» и «копьеносцев». «Каждый день, как велел Виютку, бегуны соревновались в беге, борцы — в борьбе, в поднятии тяжестей, а копьеносцы — в метании копей по целям» [12, с. 13].

В ряде эскимосских сказаний, так же как в чукотской сказке «Рорат», герой или даже целая группа воинов одерживают победу не в боевых сражениях, а в спортивных состязаниях. В предании «Экетамын» рассказывается о состязаниях, устраивавшихся во время больших национальных игрищ. В других эскимосских героических легендах наряду с картинами боевых сражений подробно описывается межплеменная торговля, в основе которой лежит натуральный обмен.

Необходимо подчеркнуть, что встречающиеся в текстах собственные имена героев и героинь сближаются с родовыми и племенными наименованиями и народными географическими названиями. В мифах встречаются названия этнических групп, родов, собственные имена и названия рек и мест. Одни из них находят аналогии в исторических источниках, другие совпадают с ныне существующими названиями, часто являющимися фамилиями и собственными именами, третьи встречаются в исторических источниках соседних народов, с которыми когда-то имелись контакты. В отдельных случаях такие названия связаны с реальными животными (лось, медведь, касатка, кит), образы которых получили мифологическую интерпретацию.

В героических сказаниях отсутствуют волшебные предметы и чудесные превращения, но при этом приводится и правдивое описание деталей быта, воинского снаряжения, географических объектов. Основой многих героических сказаний послужили подлинные исторические события: межродовые и межплеменные столкновения, междоусобная вражда отдельных общин и семей. Так, в чукотском фольклоре противниками выступают коряки, в корякских — чукчи. В ительменском фольклоре имеется единый цикл сказаний о богатыре Тылвале. Ведущий сюжет этих сказаний — месть Тылвала сестре, которая пытается уйти к корякам.

Исторический фольклор содержит описание военного дела. Так, в преданиях коряков отмечаются межплеменные войны: оседлых коряков — с коряками-оленоводами и чукчами. Уникальным наступательным и оборонительным оружием являлись

луки и стрелы. Наконечники их делались из железа, меди, кости и камня. Также для военных целей служили копья, ножи, топоры, пальма, костяные рогульки, заострённые кольца, а также пращи для метания камней. Хорошо описаны навыки владения плетью и арканом, защитное снаряжение (доспехи, шишаки (шлемы) и щиты). Из земли и камня сооружались крепостные укрепления, нередко их огораживали частоколом. Коряки часто нападали на спящих врагов, обманывали их с помощью чучел, обращали в бегство, имитируя приближение большой толпы.

Как свидетельствуют предания, из жителей нескольких селений создавались оборонительные и наступательные союзы. Руководство ими поручалось лучшему воину — *айыма*. Обычно гражданская власть сосредотачивалась в руках старейшин рода, а военными действиями руководил военачальник, функции которого ограничивались боевыми походами. У коряков не было постоянных военных объединений, но в военное время каждый здоровый мужчина становился воином [5, с. 123, 148].

Исторические рассказы по сравнению с другими произведениями фольклора имеют недавнее происхождение. В них повествуется о возникновении родов и их переселениях, родоплеменных конфликтах и историко-культурных связях, о стихийных бедствиях, первых встречах с русскими и т.д.

Содержанием некоторых преданий были межродовые взаимоотношения и столкновения, причинами которых являлись невыдача замуж женщины, неудачное сватовство, месть за пролитую кровь (убийство), иногда — нападение и захват женщин во время отсутствия мужчин, о мести сына за отца и об освобождении матери.

В подобных преданиях, отражающих бытовые особенности, обычаи и обряды первобытнообщинного строя, немало неоправданных жестокостей, убийств, людоедства. Мотивы содержат характерные черты феодализма: многожёнство, цари, начальники, служанки, слуги, рабы и рабыни. В военном деле используются не только лук и стрелы, копье, острога, но и мечи, кольчуги, ружья и т.п. Некоторые исторические предания описывают соревнования шаманов.

Таким образом, мифы, сказки и предания палеоазиатских народов содержат весьма обширный исторический и этнографический материал, в значительной своей части вполне надёжный и точный. Следует отметить, что в повествовательном фольклоре оленеводов, охотников, рыболовов, морских зверобоев сохранились

черты древнего быта и производства, социального устройства, нравов и обычаев, народных знаний, нашли отражение семейные отношения в их связи с поколениями, а также миграции и этнокультурные контакты. Все существующие знания о мире народов Северо-Востока Сибири, главными составляющими которого являются человек и окружающая его природа, характеризовали особенности как национально-этнического, так и историко-стадиального развития.

Никакие вопросы ранней истории народностей Севера без привлечения фольклора правильно решить нельзя. Некоторые события из истории палеоазиатов отражены в русских документах и одновременно в устном народном творчестве отдельных этносов. В таких случаях мы имеем два источника. В сочетании они равноценны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беликов Л.В. К характеристике устного народного творчества чукчей // Учёные записки ЛГПИ им. А.И.Герцена. Л., 1960. Т. 167. С. 271—294.
2. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе: образцы народной словесности чукчей. СПб., 1900. Вып. 36. 417 с.
3. Гурвич И.С. Ареальное изучение эпических произведений народов Северной Сибири и Дальнего Востока СССР // Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983. С. 152—169.
4. Иванова З.Я. Природная и социальная стихии в сказках алеутов // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (Третьи Широкогоровские чтения). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 300—303.
5. История и культура коряков. СПб.: Наука, 1993. 236 с.
6. Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983. 130 с.
7. Мелетинский Е.М. Палеоазиатских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. Т. 2. С. 274—278.
8. Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских айнов. Южно-Сахалинск, 2002. 62 с.
9. Подмаскин В.В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2013. 248 с.
10. Подмаскин В.В. Отражение славянских эпических традиций в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (XVII—XX вв.) // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 171—179.
11. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. 628 с.
12. Сказки народов Севера / сост., ред., предисл. и прим. М.Г.Воскобойникова, Г.А.Меновщикова. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 627 с.
13. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом. СПб., 1908. Т. 1. Ч. 1. 232 с.
14. Юкагиры: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 242 с.

REFERENCES

1. Belikov L.V. K karakteristike ustnogo narodnogo tvorcestva chukchej [On the description of the Chukchi folklore]. *Uchjonye zapiski LGPI im. A.I. Gercena* [Proceedings from Herzen State Pedagogical University]. Leningrad, 1960, vol. 167, pp. 271—294. (In Russ.)
2. Bogoras V.G. *Materialy po izucheniju chukotskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge: obrazcy narodnoj slovesnosti chukchej* [Materials on the study of the Chukchi language and folklore collected in the Kolyma region: Samples of the Chukchi folk literature]. Saint Petersburg, 1900, iss. 36, 417 p. (In Russ.)
3. Gurvich I.S. Areal'noe izuchenie jepicheskikh proizvedenij narodov Severnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka SSSR [Areal study of epics of the peoples of Siberia and the Far East of the USSR]. *Fol'klor i istoricheskaja jetnografija* [Folklore and historical ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 152—169. (In Russ.)
4. Ivanova Z.Ja. Prirodnaja i social'naja stihii v skazkah aleutov [The natural and social elements in the tales of the Aleuts]. *Jetnos i nacija v uslovijah globalizacii: opyt i precedenty ATR (Tret'i Shirokogorovskie chtenija)* [Ethnicity and nation in the context of globalization: experience and precedents of the APR (The third Shirokogorovskie readings)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 2008, pp. 300—303. (In Russ.)
5. *Istorija i kul'tura korjakov* [History and culture of the Koryak]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, 236 p. (In Russ.)
6. Leont'ev V.V. *Jetnografija i fol'klor kerekov* [Ethnography and folklore of the Kerek]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 130 p. (In Russ.)
7. Meletinskij E.M. Paleoaziatskikh narodov mifologija [Mythology of the Paleo-Asiatic peoples]. *Mify narodov mira. Jenciklopedija* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija Publ., 1998, vol. 2, pp. 274—278. (In Russ.)
8. Pilsudskij B.O. *Fol'klor sahalinskih ajnov* [Folklore of the Sakhalin Ainu]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002, 62 p. (In Russ.)
9. Podmaskin V.V. *Mifologicheskij slovar': korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka Rossii* [Mythological dictionary: indigenous peoples of the Russian Far East]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 248 p. (In Russ.)
10. Podmaskin V.V. Otrazhenie slavjanskih jepicheskikh tradicij v fol'klore korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii (XVII—XX vv.) [Reflection of the Slavic epic traditions in the folklore of the indigenous peoples of the Far East of Russia (17th—19th centuries)]. *Rossija i ATR*, 2013, no. 4, pp. 171—179. (In Russ.)
11. *Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki* [Tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka]. Moscow, 1974, 628 p. (In Russ.)
12. *Skazki narodov Severa* [Tales of the North]. Compilation, edition, introduction and notes by M.G. Voskoboynikov, G.A. Menovschikov. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1959, 627 p. (In Russ.)
13. Shternberg L.Ja. *Materialy po izucheniju giljackogo jazyka i fol'klora, sobrannye i obrabotannye L.Ja. Shternbergom* [Materials on the study of the Gilyak language and folklore collected and processed by L.Ya. Shternberg]. Saint Petersburg, 1908, vol. 1, part 1, 232 p. (In Russ.)
14. *Jukagiry: istoriko-jetnograficheskij ocherk* [Yukaghir: historical-ethnographic essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 242 p. (In Russ.)